

ДВАЖДЫ сын полка

У воспоминаний есть особенность: как бы они ни были точны, вчерашний день все-таки видится нам в свете дня сегодняшнего - что-то приглушается, что-то проступает ярче. Сейчас, когда мы сетуем на то, что в людях стало меньше доброты и сострадания, следует чаще вспоминать о наших спасителях - людях, победивших фашизм.

Живет в Калые фронтовик, бывший сын полка, а теперь пенсионер Борис Григорьевич Сماعيل.

12 лет было Борису в том грозном 41-м. Семья, в которой, кроме него, были еще брат и сестра, жила в обыкновенной маленькой железнодорожной будке у станции Волхово, что в Новгородской области под Ленинградом. Жили тихо и мирно. Отец был мастером по железнодорожным мостам. Через реку Волхов проходил километровой железнодорожный мост, который связывал Ленинград с Москвой. По нему беспрерывно шли грузовые и пассажирские поезда.

Перед выходом 22 июня 1941 года мать с братом и сестрой уехали в гости через реку на другой берег, а Борис остался с отцом. Когда утром по радио объявили войну, какая-то тревога запахла в душу мальчика, хотелось сильно плакать. Но отец успокоил его.

Борька был очевидцем молниеносного подхода немцев к реке Волхов. Скоро все и началось! Стаями свалились с неба "юнкерсы" и пошли наши передовые обрабатывать... Вздыблясь от взрывов земля - только что не взлетит вся на воздух. "Юнкерсы" носились так низко, что своими шасси чуть не задевали маскировочные сети над огневыми позициями. Бомбили они станцию Волхово и город Чудово (который находился в 7 км) в основном днем. Летели конвейером: друг за другом. Отец насчитал до 200 самолетов на Чудово и 150 самолетов на станцию Волхово. Одна партия улетела - прилетела другая. После двухдневной бомбежки все превратилось в руины, а ног most чудом уцелел, только в одном месте был немного поврежден. И пока немцы не пришли, дорога через мост действовала. А в октябре фашисты заняли эту территорию. И вскоре предстояло Борьке впервые встретиться лицом к лицу с врагом.

А дело было так. Пошел мальчуган прогуляться к заливу, а там, у берега, увидел двух заперженных в бричку лошадей. Подошел к ней. Вокруг стояла немощная тишина. И вдруг глаза его остановились на винтовке, лежащей в бричке. Мальчишеское любопытство было превыше всего. Он взял винтовку, подумав, что она не стреляет, нажал на курок и... раздался такой оглушительный выстрел, что Борька и сам испугался. Тут же, откуда ни возьмись, прибежал человек шесть немцев, что окопались, видимо, недалеко. Паренек страшно испугался: "Они меня убьют, прирежут!" Но, подбежав к нему, один из немцев спросил: "Где рус?" - на что Борька показал непонятно куда рукой: "Туда побежали!" На самом деле никто нигде не убежал и никого он не видел.

Немцы увидели в бричке два ящика с консервами и папиросами "Беломор". Один, видимо, главный, штыком от винтовки открыл банку и дал Борьке попробовать (немцы всегда давали на пробу, дабы самим не отравиться).

А Борис, указав на лошадей, попросил ее себе, на что получил разрешение. Радостный еще и от того, что остался жив, пришел домой и с порога крикнул: "Папа, посмотри, какую лошадь сытую я тебе привел!" Целых два дня юный кавалерист катался на ней, а на третью ночь к ним в дом пришел советский раненый солдат. Отец перевезал ему рану и сказал, что кругом немцы, отдал ему эту лошадь, чтобы та перевезла его через Волхов к своим. Дальнейшая судьба этого солдата им неизвестна.

Наступила зима. И немцы начали выгонять отца с Борькой из будки. Дали время на сборы 24 часа. И начались скитания для пацана.

Направились они в Новгородскую область, на родину отца, под Старую Русу в деревню Мелочово. Там жил дедушка (кстати, он прожил 110 лет). Но Старорусский фронт много раз переходил в руки немцев, и поэтому жителям приходилось то уходить в лес, то возвращаться в свои дома. Был и голод. Но его утешали ранеными лошадьми, которых оставляли немцы.

Вскоре отец подал на розыск матери. И пришел ответ, что живет она на станции Веревбе Новгородской области. Явился и посланец от нее - старший брат с известием, что мать и сестра ждут их. Тут же собрались все в путь. Доехали до г. Балаго. Мать с сестрой жили в казарме. Что делать? Еще один рот прибавился. И тогда они решили с братом ходить на передовую (там были наши войска) за продуктами. Набрать удалось не только продукты, но и вещи. Продали они их машинистам. На вырученные деньги мечтали купить корову, еду, но...

сели в товарный поезд и уснули. А утром обнаружили, что карманы, в которых были деньги, вырезаны. Обиды было, не передать! Снова вернулись на передовую, а там их встретил старший лейтенант. Брат забрал к себе в часть носить секретные паке-ты. Адрес дал Борьке для переписки. Мальчуган выбежал на проезжую часть дороги и горько заплакал. Тут подбежал к нему три разведчика на лошадей: "Не плачь! Поедем с нами в разведку!" Привезли они его в отряд. И стал он сыном полка.

Все к нему относились по-доброму, особенно старшина. Кормили, но на довольствие не ставили, так как солдатом он не числился. В его обязанности входила выдача сухих пайков разведчикам. По истечении трех месяцев старшина повел его в штаб для зачисления на довольствие. Но там не дали разрешения, т.к. не хотели нести ответственность за паренка. Тогда старшина наложил ему полный рюкзак продуктов, проводил с километр, распрощался как с родным сыном, поцеловал, и пошел Борька куда глаза глядят. Слезы застилали ему глаза, но он шел и шел. К вечеру пришел на передовую, где отдыхали солдаты 73-го стрелкового полка. Они его напоили чаем, уложили спать в сарай. А проснувшись, мальчуган увидел, что снова остался один. Оказывается, ночью всех солдат подняли по тревоге, и они уехали на передовую.

Подбежали на бричке старший лейтенант со старшиной и забрали паренка с собой. Пошел Борька, что здесь, в 73-м полку, стало быть, жить ему и воевать теперь одной артелью, одной семьей. Вначале работал в роте связи, чинил кабели, мотал катушки для связи. Это было очень опасным делом - приходилось чинить на поле боя и во время обстрелов. Но и тут Бог отводил Борьку от смерти. Полюбился паренек всем в роте за трудолю-

бие, выносливостью, скромностью. И снова звали его сыном, сыночком, а иногда по-мужски солидно Борисом Григорьевичем. Увидел майор, с каким героизмом выполнял работу подросток, пожалел и отправил на склад со старшиной отпустить продукты. Так и дошел до Берлина сын полка. 9 Мая Борис встретил на окраине Берлина. Здесь и услышал известие об окончании войны. Радость была немощная. Все друг друга на руках носили, плакали, смеялись, пели, плясали. И сын полка не стеснялся своих мужских слез. Ведь победили. Победа!

Надо было думать о мирной жизни. Поехал Борис к матери, потом с братом в Порт-Артур, где служил брат, пришли в 6-ю гвардейскую дивизию и провели там 6 месяцев. Здесь же в дивизии Б. Сماعيل обучился на обувщика. Стал шить обувь для генералов и офицеров. Два года пролетели быстро. А потом Борис решил уехать в г. Североуральск к другу. Это было в 1959 году. Здесь обустроился в поселке Третий Северный, полгода проработал в пожарной части, получил множество благодарностей за свою безупречную работу, а особенно за спасение девочки в одном из деревянных домов поселка. После пожара, проработав немного на шахте "Черемуховская", ушел в горноспасательный отряд, где 27 лет служил бойцом-респираторщиком. Теперь он на заслуженном отдыхе. Но некогда ему отдыхать, не привык. Увлекается Борис Григорьевич пчеловодством, рыбалкой, охотой. Для успокоения души частенько берет в руки гармошку и играет все, что зайдет в душу: и грустное, и веселое, и задорное... Иногда вырываются и фронтовые мелодии. И слышится в них боль о пережитом, напоминание о том, что любая война жестока. Пережившие ее знают ценность человеческой жизни, доброты, взаимного доверия, поддержки друг друга. Пусть пребудет это понимание вечно и в нас, и в наших детях, и внуках.

Татьяна ЗАСЕДЕТЕЛЕВА,
внештатный корреспондент.

Глубокий тыл

Петропавловское в войну было глубоким тылом. Ее это доносило сюда тысячами мобилизованных на СУБР и призванных на фронт местных мужчин. И, конечно, голодом, всеобщей неустойчивостью и болезнями, которых глухое уральское село ранее не знало: брюшной тифа, дизентерии. Эпидемии свирепствовали почти три года. И боролся с ними немногочисленные петропавловские медики, в числе которых была и Александра Дмитриевна Плещищева.

В 1941-м она была 20-летней Шурочкой, Сашенькой, недавно окончившей школу медсестер. Война разрушила все: мужа забрали на фронт, ей тоже грозила мобилизация, да она была на сносях. Сына родила 6 июля. Зато ушла на фронт гл. врач З.А. Мушниц, она была хирургом и от фронта не спало даже то, что ее муж был довольно крупным начальником. Через год она сильно заболела, ее привезли в Свердловск, где она умерла. Александра Дмитриевна по сию пору вспоминает ее, ведь вместе с ней она впервые встала за операционный стол.

Врачи и медперсонала катастрофически не хватало, а в село все поступали и поступали эшелоны с рабочей силой. От голода люди были сильно ослаблены, ехали сюда в "телятниках" - порой неделями, и для всяческой заразы было просто раздолье. В Петропавловском не было водопровода, канализации тоже, воду брали прямо из Ваграны и Сарайной. Приезжающих селили в бараки, тесные общежития. Обычное мыло было дефицитом, лекарства тоже.

"Мы не видели ни дня, ни ночи, - вспоминает Александра Дмитриевна, - смену отработавшая и бежишь в бараки на госпитализацию - забирать в больницу вновь заболевших. У нас больница была тогда на Горном - на 100 мест, их не хватало, пришлось развернуть рядом еще барак". Мерли люди сильно, особенно южане, которых привезли на строительство водопровода. Им особенно было тяжело зимой, поэтому их, умер-

ших, находили и на улице, и в подвездах, и в бараках. То и дело о таких "находках" докладывали прокурору Шукину.

Местным, конечно, было все-таки легче. Александр Дмитриевне помогала мама, ей после родов пришлось сразу выйти на работу. Удивительно, но за все эти трудные годы из медперсонала тифом заболела одна лишь санитарка, хотя все медики постоянно были в самом остром инфекци. Лекарства получали через склад СУБРа, иногда поступали витамин, и тогда проводили всеобщую витаминизацию населения.

Остро не хватало перевязочного материала, его давали по 100 м на месяц на все про все. Поэтому из него делали только хирургические шарик и первичные повязки. Использованные бинты стерилизовали в автоклаве, который работал на дровах! И вновь пускали в дело. Хирурги тоже без дела не сидели - "травматик" шли чередой. Спецваз у рабочих была драная, и их постоянно куда-нибудь затгивало, калечило. Особенно много таких случаев было в СУБРе и на железной дороге.

Воду в больницу носили на руках, дрова заготавливали все в свободное от работы время. Их пилили в лесу, и врачи, медсестры вывозили на лошади. Иногда дрова помогали вывозить трест "Бокситстрой". Для хозяйственных нужд в больнице держали несколько лошадей. Кормили больных за счет их же карточек, которые изымались на время госпитализации. Хлеба давали столько, сколько им было положено по этим карточкам: кому 1 кг, кому 300 гр, а из "карточной" крупы варили суп и кашу.

Когда сынышке исполнилось полгода, его пришлось отдать в ясли, но иной раз Александра Дмитриевна забирала его самого последнего, почти ночью. Бывало, воспитательница сидела с ним одним, но ни единого упрека она от нее не слышала, все понимала, что медики работали по 12-14 часов. А ведь надо было успеть и карточки отovarить, и дома печку истопить, и воды нагреть, чтобы искупать сынишку, и выстирать его пелен-

ки-распашонки. Веса тогда Сашенька 40 кг...

Рассказывая про будни североуральских военных медиков, Александра Дмитриевна подчеркивает, что легко никому не было. Но работали все исключительно на совесть, отодвинув на задний план все свои личные дела и семейные проблемы. С большой теплотой она вспоминает главного врача М.Шилко. Л.Чиркову (она перед самой войной закончила институт и приехала на Урал). Всю войну проработал Н.Винокуров, из Тихвина приехала хирург Н.Красносельская. С.Симонянц был послан сюда после отбытия срока в сталинских лагерях по "делу Горького". Фельдшером работал Я.Кисель, главной медсестрой А.Баженкова, нельзя не вспомнить З.Калашникову, К.Маршину и З.Мерзникову. Все они уже умерли, но многие из живых обязаны им своей жизнью.

Работали и за скорую помощь: поступил сигнал, тот, кто свободен, - сумку в руки, кислородную подушку через плечо - и вперед! Спать удавалось по 2-3 часа. И все-таки справиться с эпидемией своими силами не могли, она отступила, лишь когда приехали специалисты-эпидемиологи из Свердловской лаборатории с лекарствами.

Лихолетье, как рентген, просвечивало каждого. Раз поступил в больницу К.А. Андреев, зам.директора СУБРа по хозяйству. Было у него сильное истощение, что говорило о том, что человек не пользовался своей "хлебной" должностью. Его подлечили, и он "веселился" неделями, а он, похоже, запомнил молодую медсестричку. Однажды, это было после войны, он встретил ее на улице и спросил, почему она все одна? а где муж? убили на фронте? А муж ее отвоаал, прошел

всю войну, и его как специалиста после победы отправили на восстановление Днепрогоса. Она к нему в Днепропетровск съездила после войны показать сына. А чтобы приодеть Сереженьку, изрезала ему на костюмчик свое единственное приличное платье. Там она пробыла на прием к парторгу Днепрогоса Л.Брежневу, просила отпустить мужа домой. Леонид Ильич ей сказал, что отпустят, когда будет запущена третья турбина. Тогда Александра Дмитриевна рассердилась и спросила, а где же его семья? Тот даже опешил от такого вопроса: "Как где, здесь, со мной..." В общем, вернулась она с Украины ни с чем.

Позтому на вопрос Кузмы Андреевича о муже она сказала, что он уже не жив. И она рассказала свою историю. Тот велел ей прийти к нему на прием. Отпустилась она с работы и пришла в приемную, которая была набита людьми. К Андрееву еще не было, но секретарь успокоила всех, что он всегда всех принимает. Через несколько минут он зашел в приемную, сразу заметил А.Плещищеву и велел ей пройти первой. Она прошла через толпу, буквально раскаленную ожиданием. А Кузьма Андреевич сказал ей, чтобы она через две недели ждала стука в дверь. И точно! Ровно через 14 дней вернулся ее муж. Это, наверное, была вторая ее радость с 22 июня 1941 года.

А первая случилась 9 мая 1945 года, когда она в 4 часа утра услышала о капитуляции Германии.

"После войны она долго работала хирургической сестрой. Когда стало тяжело, перешла в тубдиспансер. Ушла на пенсию в 63 года, и общий медицинский стаж ее 50 лет.

Галина
ХАРЧЕНКО.

Дорогие ветераны Великой Отечественной войны и уважаемые североуральцы! Коммунисты города поздравляют вас с 55-летием Победы и желают вам крепкого здоровья и благополучия.